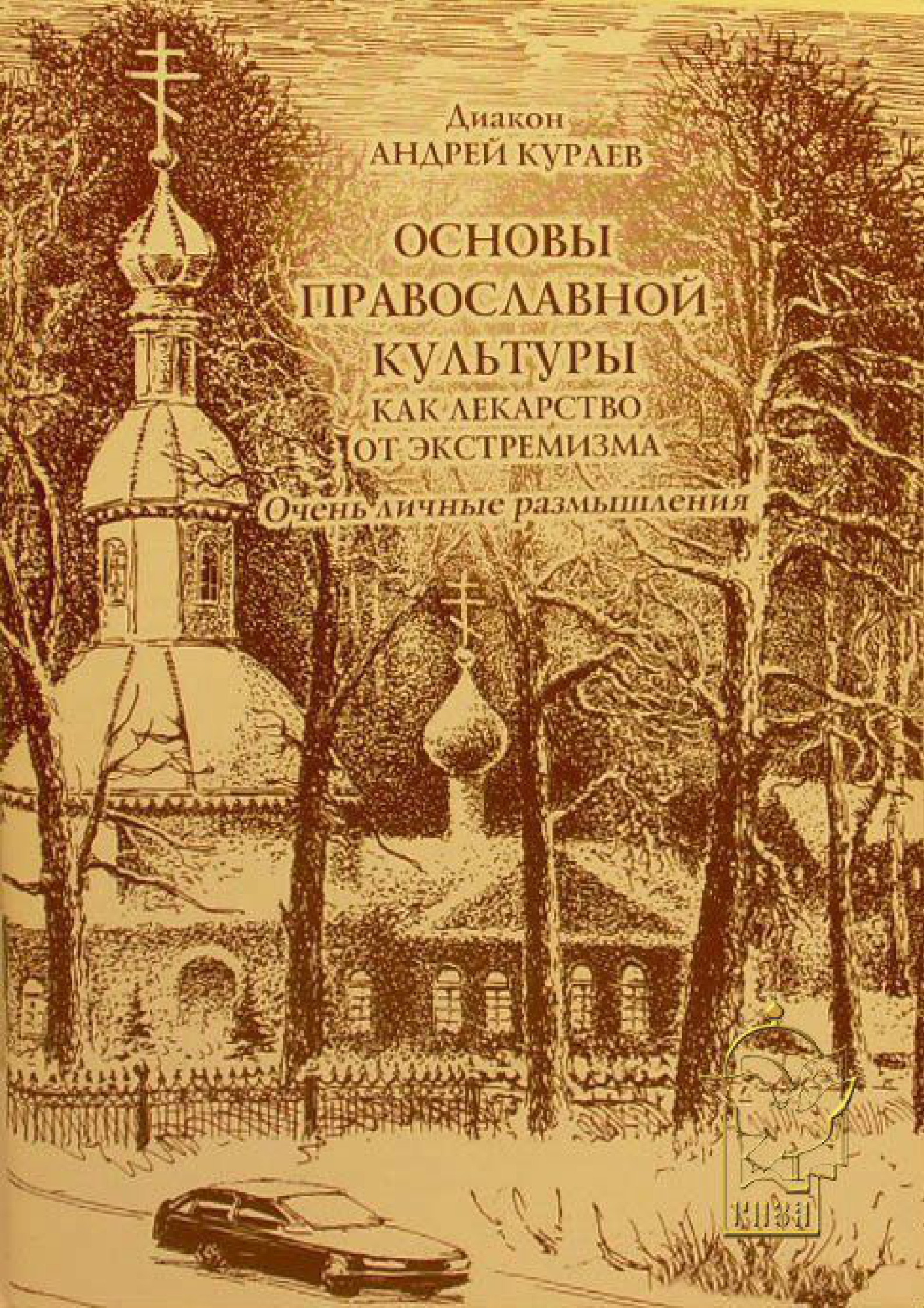

Диакон
АНДРЕЙ КУРАЕВ

ОСНОВЫ
ПРАВОСЛАВНОЙ
КУЛЬТУРЫ
КАК ЛЕКАРСТВО
ОТ ЭКСТРЕМИЗМА

Очень личные размышления

Основы православной культуры как лекарство от экстремизма. Очень личные размышления

Очевидность умалывается доказательствами

Цицерон

Зима 2002-02 годов может определить судьбы православия в России на всё 21 столетие. Вопрос в том, какую позицию по отношению к Церкви займет российское учительство.

В 90-е годы российский учительский корпус был настроен к Церкви скорее благожелательно. Нет, наши учительницы не пришли в веру. Но в их глазах Церковь выступала в двойном светлом ореоле: как несправедливо обиженная и гонимая (причем на памяти самих учительниц) и как колыбель русской культуры. Даже когда учительницы делали глупости и впускали сектантов в свои классы — они раскрывали двери именно перед теми сектами, которые маскировались под православие.

Но вот появилось письмо министра образования России, разрешающее (не предписывающее и даже не рекомендуемое) вводить в школах уроки «основ православной культуры». Молвой и прессой дозволение было раздуто в приказ, а культурологический предмет был превращен в «закон Божий».

Теперь очень многое зависит от людей Церкви: сможем ли мы избежать этой двойной подмены. Перед нами приоткрыли дверь. Удержимся ли мы от искушения навалиться всей массой и вломиться внутрь раньше, чем нас пригласят? Если Церковь начнет говорить с учителями властно, на языке «вы обязаны», если в каждую школу будет послан циркуляр — то Церковь предстанет в глазах учителей не как мученица, а как гонительница. И свое недоумение, обиду и несогласие учителя понесут в классы. И тогда еще одно поколение будет воспитано на убеждении, что а) от Церкви надо держаться подальше самим, и б) в любом случае нельзя и близко подпускать Церковь близко к властным рычагам — ибо уж слишком хватко она за них берется.

Чтобы избежать ненужных тревог, попробуем все же разделить то, что в бурной полемике перемешалось.

Первый вопрос: допустимо ли религиозное преподавание в государственной школе?

Начну с цитаты из новокузнецкой газеты (она хороша тем, что пока-зывает технику современной антицерковной пропаганды):

«На НТВ прошла программа “Свобода слова” Савика Шустера, посвященная православному образованию в школе. Она весьма наглядно продемонстрировала умение и способность деятелей церкви понимать и миротворить. За введение православного обучения выступали известный проповедник дьякон Андрей Кураев и кинорежиссер Никита Михалков, против — заместитель руководителя аппарата правительства РФ Алексей Волин и ректор РГПИ Юрий Афанасьев. Не будем повторять их высказываний, скажем только, что они были как убедительны, так и интересны. Человеку, не вполне определившемуся в этом вопросе с собственным мнением, наверняка не просто было отдать кому-то предпочтение: и дьякон Кураев, и режиссер Михалков, и чиновник Волин, и ученый Афанасьев равно блистали эрудицией и умением “держать” аудиторию. И вдруг это ровно текущее, отлично срежиссированное действие пресек резкий крик “Ложь”! Что такое? А это дьякон Кураев с места выразил свое отношение к выступлению чиновника Волина, рассуждавшего о неконституционности появления “Основ православия” в общеобразовательной школе. Ну, ладно: вздрогнули, покачали головами, некрасиво, мол, и продолжили дискуссию. И снова: “Вы лжете!”. Глаза дьякона непримиримо горят, губы сжаты. Тут же кто-то из зрителей достает текст закона, цитирует его статью, поддерживающую Волина. Но ни извинений, ни оправдания от дьякона Кураева не последовало».

Участники этого фрагмента теледискуссии (14.12.2002): заместитель руководителя аппарата Правительства РФ А. Волин; дьякон Андрей Кураев; А. Пчелинцев (баптист, юрист, вместе с Кураевым работал в экспертно-консультативном совете при Госдуме во время подготовки Закона о свободе совести); детский писатель Григорий Остер.

Для лучшего понимания происшедшего надо помнить, что студия передачи «Свобода слова» устроена следующим образом: есть большая «нейтральная» массовка — центральная трибуна. А есть две небольшие трибуны приглашенных специалистов. На одной трибуне собраны специалисты, вступающие «за...», на другой — «против...». «Команды» специалистов сидят напротив друг друга.

Итак, переводим видеозапись в читаемый вид:

Волин: Правительство и государство в своей деятельности исходят и руководствуются исключительно законами Российской Федерации. В законах Российской Федерации записано две вещи: по Конституции светский характер государства; по Закону об образовании — светский

характер образования. Согласно Закону об образовании представители религиозных учений в школу приходить и преподавать там не могут.

Кураев: Это ложь. Это просто ложь. В Законе о свободе совести четко говорится: государство оказывает поддержку религиозным организациям при осуществлении ими культурно-просветительской деятельности, имеющей широкое общественное значение.

Волин: Никто не возражает. Не в рамках государственной школы.

Кураев: В рамках. В Законе есть статья, которая регулирует как именно и на каком основании в государственную школу может войти представитель религиозной организации.

Волин: Нет.

Кураев: Есть это в Законе. Почему Вы так выборочно цитируете законодательство? Вы профессионально некомпетентны.

Шустер: Отец Андрей, секундочку. Но так как мы никто не проверим, мы либо верим Вам...

Кураев: Почему? Господин Пчелинцев знает закон наизусть.

Пчелинцев: Я не согласен с отцом Андреем...

Кураев: В Законе нет таких текстов?

Пчелинцев: Вы обвиняли сейчас г-на Волина в некомпетентности. Статья 5 Федерального Закона о свободе совести и религиозных объединениях гласит следующее — что может преподаваться в школах...

Кураев: В государственных школах!

Пчелинцев: В государственных школах...

Кураев: Может!

Пчелинцев: Согласен...

Кураев: Волин сказал «не может». Волин не сделал этих оговорок. Это шарлатанство!

Шустер (Остеру): Вы можете процитировать? Давайте дословно.

Остер: Я хоть и сижу на этой стороне, в данном случае процитирую то, что скорее всего будет в пользу той стороны (аплодисменты в студии): в

пункте 4 статьи 5 Федерального Закона о свободе совести и религиозных объединениях ясно сказано: «По просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия детей, обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, администрация указанных учреждений по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления предоставляет религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы».

Кураев: А господин Волин усыновил всех детей России и от имени всех родителей заявляет: не надо преподавать...

Волин: Значит, еще раз: мы исходим из того, что в рамках общего школьного курса преподавания религии быть не может.

Кураев: Что значит «общий школьный курс»? Такого понятия нет в Законе.

Волин: Мы говорим про обязательный школьный курс.

Кураев: А мы говорим про факультативы.

Шустер просит Волина вернуться на место...

Осталось сказать, что новокузнецкий журналист Валиулин, полагающий, будто в ходе дискуссии у Шустера Кураеву было доказано, что он не знает законов, — рериховец. Со всеми вытекающими (для совести, логичности и образования) последствиями...

Вопрос о допустимости религиозного обучения в государственной школе (факультативного, по выбору родителей) очевиден. Поэтому даже если «Основы православной культуры» понять как религиозное обучение (что не правда), то письмо министра Филиппова ничего нового к уже существующей практике не добавляет.

Столь же очевиден и ответ на вопрос о возможности существования этноконфессиональных школ. Есть еврейские национальные школы с обязательным преподаванием основ иудаизма для всех учащихся (и в одной из них по свидетельству московского педагога Е. А. Ямбурга, была запрещена к изучению сказка «Три поросенка» — «по причине некошерности персонажей») — и эти школы получают финансирование из Российского бюджета. Открытие русских этноконфессиональных школ на этом фоне не должно казаться чем-то вызывающим. Свобода выбора детей и родителей определяется здесь уже тем, что они с самого начала знают, что в этой школе всех детей

будут учить ивриту, а в этой — русскому языку. В этой школе будут готовить к эмиграции в Израиль, а в этой — к защите России. В этой школе все дети будут изучать иудаизм, а в этой — православие. Несогласные могут пройти мимо — к соседней школе.

Вопрос, поставленный письмом Филиппова, в другом — может ли обычная (не этноконфессиональная) школа решить ввести общее (нефаккультативное) преподавание культурологического среза православия (не Закона Божия).

Вроде тут и вопроса не должно быть: школа вольна взять курс на углубленное изучение японской или итальянской культуры... А — русской, а — православной? Когда губернатор Свердловской области Россель заявляет людям, празднующим Хануку (8 декабря 2002 г.): «Дорогие мои евреи! Поверьте, я сделаю все от меня зависящее, чтобы ваши дети знали свой язык, историю и религию», это никого не смущает. Но губернатор, который сказал бы прихожанам православного храма: «Дорогие мое русские, я сделаю все, чтобы ваши дети знали свой язык, историю и религию», был бы сразу обвинен в анти... сами знаете в чем. Кстати, Россель сделал свое заявление в тот же день, в который министр образования Свердловской области Некрасов заявил, что не допустит преподавания «основ православной культуры».

Но вопрос о двойных стандартах наших «демократов» — это особая и неновая тема.

Сейчас же впору вести речь о различии культурологического и религиозного образования.

Религиозное образование ставит своей целью приведение детей к религиозной практике. Религиозное образование ставит своей задачей добиться согласия учеников с верой той религиозной группы, от имени которой ведется преподавание.

Законоучитель ссылается на библейские тексты как на тексты авторитетные, доказывающие правоту его веры. Культуролог ссылается на те же самые тексты Библии с иным акцентом: он тоже видит в них доказательство своей правоты, но правоты не религиозной, а исследовательской. Он их приводит в качестве подтверждения своего тезиса о том, что такое-то верование в данной общине реально существует. Для законоучителя Библия — исключительный авторитет. Для культуролога Библия авторитетна лишь в качестве

свидетельства о верованиях тех групп людей, которые ее создали или чья жизнь создавалась с опорой на Библию. Если же он обратится к анализу индийских верований, то таким же и никак не меньшим авторитетом для культуролога станут тексты Упанишад.

Реальность, о которой говорит законоучитель и к которой он обращает — Бог. Реальность, о которой говорит культуролог — люди и созданные ими тексты. Законоучитель говорит о Боге (и к Богу); культуролог — о людях, верящих в Бога.

Законоучитель доказывает. Культуролог — объясняет. Доказать — значит понудить собеседника к согласию со мной. Объяснить — значит сделать для него понятной мою логику, мое видение проблемы. В религии есть много недоказуемого, но нет ничего бессмысленного. Для сознательного носителя религиозной традиции каждый жест, символ, каждая деталь его верования осмысленны. Задача религиоведа и культуролога — попробовать передать этот смысл на языке современной культуры.

Я прихожу в МГУ и на первой же сентябрьской лекции говорю студентам: «Я прошу вас отнестись ко мне как к обычному преподавателю. Надеюсь, вы достаточно широко мыслящие люди, чтобы разрешить мне ходить в той одежде, которая мне нравится. Так что давайте я не буду обращать внимания на вашу одежду, а вы — на мою. У вас есть спецкурсы по философии Платона, Маркса, Канта... Вот в этом же ряду стоит и мой спецкурс по философии и богословии христианства. На экзамене от вас не будет требоваться согласия с православием. Вы просто должны будете продемонстрировать знание основных имен (и знать хотя бы в каком столетии жил тот или иной выдающийся христианский писатель), представлять себе историю дискуссий, возникавших в истории Церкви, понимать и воспроизводить логику сторон. Если на экзамене вы скажете, что лично вам кажется убедительнее логика оппонентов православия — это не повлияет на вашу оценку... Но если кто-то из вас начнет свой ответ с фразы «У этой проблемы две ипостаси» — два балла он получит на счет «раз». Ибо я целую лекцию буду рассказывать вам об истории слова ипостась и о том, что лишь безграмотные журналюги употребляют это слово со значением аспект».

Вот пример культурологической работы: на уроке по истории Древней Греции учитель упоминает о том, что бог Кронос породил множество детей, но и при этом и пожрал их почти всех. Чтобы понять, как у греков появился такой страшный миф, надо обратить внимание на имя главного персонажа.

Что означает слово кронос? А вы вспомните такие слова нашего русского языка, которые несут в себе этот греческий корень: хронометр, хроника, синхронно, анахронизм... Кронос — это время. Время всему дает начало, во времени все начинается. Но и время же всему кладет предел. Из времени и во времени все возникает и со временем и во времени все исчезает. Напишите слово время с большой буквы, представьте Время живым существом — и вы получите греческого бога Кроноса... Стала детям яснее греческая мифология? — Да. Будут ли они молиться богу Кроносу о скорейшем окончании урока? — Вряд ли.

Культурологическое преподавание — это реконструкция мира, о котором свидетельствует тот или иной текст. Причем текст имеется в виду не только литературный, но и живописный и музыкальный и событийный... Почему этот человек (или персонаж) поступил так? Какой он должен был видеть ситуацию, чтобы реагировать именно таким образом? В каком из миров такой поступок понятен и логичен?

Так что культурология — то не только разговор о сюжетах картин; прежде всего это разговор о человеческих мирах. Вот, к примеру, Иван Грозный. В истории почти любого народа, хоть чем-то проявившего себя на арене мировой истории, есть подобный тиран. Но Иван Грозный уникален. Да, он мстил и убивал, да, он бывал рационально-бессердечен и жестоко беззасуден. Но еще он — каялся. Искренне, надрывно каялся. Почему о таких приступах покаяния не говорят биографии Тамерлана и Чингисхана, Нерона и Ленина? Значит, что-то кроме тиранического «окаянства» было в душе у этого русского царя. Что? Не то ли, о чем как-то сказал академик Сергей Аверинцев: «христианство создало поистине виртуозную культуру усмотрения собственной виновности»? И, значит, разговор о христианской культуре покаяния, о христианском понимании пластичности человеческой души, вполне естественно входит в курс культурологии...

А потому на уроках по православной культуре найдется место и для художественного творчества Льва Толстого. Да, Толстой-писатель и психолог — это носитель православной культуры. Другое дело поздний Толстой-моралист... Понимаете, тезис «Трактат «В чем моя вера» написан буддистом» не режет слух. Но попробуйте сказать, что «Роман «Анна Каренина» написан буддистом» — и вы сразу почувствуете фальшь этого утверждения. Так что писатель романист Толстой — это человек православной культуры. Ибо иначе-то — какой же еще? Какая еще культура учила,

что заметить свой грех, свою вину перед миром и людьми — значит заметить самое важное?..

Говорить же о христианской психологии и антропологии, не касаясь вопроса о том, как христианин понимает свои отношения с Богом — невозможно. А эти отношения взаимны: есть то, что человек делает ради Бога. А есть то, что (согласно христианскому мирволсприятию) Бог делает ради людей. И тут культуролог может обратить внимание на особенности иконного построения.

Почему, например, на православных иконах нимб очень часто выходит за пределы самой иконы, «налезает» на рамку (ковчег)? Почему иногда то же самое происходит с копьем, которое держит в руке мученик, или с носками сапог святого? Художник не рассчитал, не справился с композицией? Нет, дело в том, что икона обращена к человеку, входит в его мир. Икона динамична. И вот это ее стремление свой свет внести в мир людей и передает икона своей кажущейся неуклюжестью.

Об одном и том же можно говорить гомилетически (т.е. с интонацией и с целью проповеди) и культурологически. Законоучитель диктует детям молитву Отче наш, поясняет ее смысл и просит детей выучить молитву и каждое утро начинать с нее. Культуролог может напомнить детям «Снежную королеву» и обратить их внимание на то, что Герда победила армию холода именно с помощью молитвы «Отче наш». Затем он пишет эту молитву. Рассказывает о ее смысле (этот фрагмент может не отличаться от фрагмента урока Закона Божия)... И все. Никаких призывов. Вы теперь знаете, почему Герда молилась и почему она молилась именно так. А будете ли и вы в ситуации опасности вести себя как Герда — это уже ваше личное дело.

Граница между религиозным образованием и культурологически-религиозно-проповедческим проходит вот где: если преподаватель считает, что ту информацию, которую он дал, дети должны принять лично, перевести в свою жизнь, если на экзамене оценка будет зависеть от того, согласен ты с учителем или нет, как часто ты ходишь в храм, постишься и так далее — вот это будет религиозное образование.

Перейти от проповеди к культурологии просто. Это делается с помощью придаточных предложений. Например, в советские времена я спокойно сдавал «идеологические» экзамены: просто каждую фразу я начинал с вводного оборота — «С точки зрения марксизма...»; «Как писал Энгельс...»; «По выражению Ленина...». Затем следовало изложение фактов (текстоло-

гических фактов: ибо приводимые мною тексты и в самом деле обретались в наследии классиков марксизма). Никто из экзаменаторов не спросил меня: «А Вы лично с этим согласны?». В итоге, не будучи марксистом, я спокойно проходил экзаменационные барьеры.

Мне не хотелось бы, чтобы Церковь заняла в нашем обществе место, подобное тому, что КПСС занимала в СССР. Но опыт «дистанцированного» изложения историко-философского материала полезен не только тогда, когда ты желаешь скрыть свое отношение к цензорам. Еще он полезен тогда, когда ты желаешь защитить своих слушателей от чрезмерного эмоционального давления на них.

Итак, снятие восклицательных знаков и добавление вводных раз («С точки зрения православия...»; «По верованиям православных...», «Согласно евангельскому рассказу...») предоставит детям способность свободно работать с предлагаемыми текстами: не сгибаясь под ними, а наклоняясь над ними.

Только один призыв уместен на уроках основ православной культуры: «подумайте!».

Итак, культурологический разговор о православии возможен. Он возможен и педагогически, и юридически.

Нужен ли он?

Один из доводов в поддержку дискутируемого проекта для меня носит вполне личный характер. Я крестился тайно от моих неверующих родителей. Мне было 19 лет, я учился на четвертом курсе кафедры научного атеизма философского факультета МГУ. Стоял на пороге вступления в партию. Перемена моих взглядов несомненно перечеркивала все возможные карьерные планы в рамках советской идеологической системы (а философия составляла ее часть) а, значит, с точки зрения родителей, «желающих блага» сыну, рушила мою жизнь. Более полугода я ничего не говорил родителям. Но однажды, неурочно вернувшись с дачи, они нашли мой молитвослов и иконки... Скандал, слезы, уговоры... Когда же первые эмоциональные дни прошли, отец подошел ко мне и сказал: «Ты знаешь, а пожалуй я все же рад, что все так получилось. Теперь в твоих руках ключ ко всей европейской культуре...».

Культурологическое ознакомление детей с миром православной культуры не есть передача им ключа от нее (ключ — это единомыслие, единоверие

с творцами христианской культуры). Это попытка возместить паломничество в живой монастырь дарением видеокассеты о нем. Но это лучше, чем ничего. Отсюда в дискуссии об «основах православной культуры» появляется вопрос о том, а что — в альтернативе?

Что является альтернативой (то есть отрицанием) «основ православной культуры»? — «Без-основательное не-православное бес-культурие».

Одним из проявлений бескультурия является религиозный экстремизм. Противники «основ православной культуры» пугают «второй Чечней». Добракачественным этот аргумент назвать нельзя.

Во-первых потому, что, как вполне справедливо сказал главный раввин России Адольф Шаевич (в частности, на открытии 7 Всемирного Русского Собора 16 декабря 2002 года), «евреи только тогда смогут хорошо жить в России, когда в России хорошо будут жить и хорошо себя чувствовать себя русские». В самом деле — не может быть в стране спокойной жизни, если «нервничает» народ, составляющий большинство населения этой страны. Отчего у нас никто не думает о том, что страсти может возбудить и запрет на изучение «основ православной культуры». Если большинству народа отказывают в праве изучать свою культуру — всегда ли в ответ будет покорная реакция? Разве не все чаще звучит вполне резонный вопрос — «Почему у нас такое странное понятие демократии, что это всегда право вето, имеющееся у меньшинства»?

Во-вторых, потому, что появившаяся у некоторых мусульманских лидеров привычка шантажировать «второй Чечней» является дурным свидетельством о самом исламе. Отчего это любое несогласие воспринимается ими как повод к гражданской войне? Как вы воспитываете своих прихожан, если по вашим же словам они только и ждут повода сорваться в джихад?

В-третьих, потому, что знание ребенком, принадлежащим к культуре меньшинства (в данном регионе) основ религиозной культуры народа, среди которого он живет, следует расценивать как нечто и уместное и желательное и полезное. Мне было бы очень странно, если бы в Казани или в Уфе решили бы ввести изучение основ исламской культуры, а дирекция школы сказала бы — нет, поскольку в этом классе есть один русский ребенок, то 20 татар не имеют права знакомиться с Кораном. Не менее мне странна и логика тех, кто, ссылаясь на присутствие в школе детей других традиций, запрещает русским детям узнавать свою.

Если бы я жил в Казани, я бы считал угрозой для безопасности своих детей незнание ими исламской культуры. Не зная ее, они не смогли бы адекватно оценивать перемены, происходящие вокруг, реакцию своих соседей и собеседников на свои слова и действия (как и вообще на «мировые события»). Они просто попадали бы в глупые ситуации. Вроде той, в которую попали в середине 90-х годов одесские шоп-туристы в Стамбуле.

Они шли по стамбульским переулочкам, пробираясь к рынку. И вдруг увидели участок тротуара, весь заставленный обувью. Обувь хоть и поношенная, но в целом еще годная, — решили они. На Привозе, если поставить соответствующую цену — и такая обувь пойдет. Тем более, что здесь-то ее можно взять вообще задаром. Это, наверно, какой-то праздник у турок, решили они. Такой праздник, в который те расстаются со старой обувью и дарят ее всем нуждающимся. Хороший праздник. Гуманный. И нам прибыльный... Набили они этим секонд-футом свои «кравчучки» и пошел кораблю... Вот только чрез квартал они были задержаны полицией. Оказывается, обувь была оставлена перед порогом мечети. В мечеть же по исламским канонам надо входить босиком (подражая Моисею, снявшему обувь у Купины Неопалимой).. Незнание религиозной культуры привело этих одесситов к неприятностям анекдотического толка. Но история показывает, что все может быть куда серьезнее — когда иноверец по равнодушию и незнанию, по снобизму или просто спьяну нарушает местные представления о правилах религиозного приличия или когда политик или администратор, купец или офицер не учитывает особенностей национально-религиозного менталитета...

Итак, знание мусульманскими детьми православной культуры, равно как и православными детьми культуры исламской было бы шагом к сохранению добрых отношений между народами России.

На телепередаче, посвященной нашей теме, муфтий Аширов возмущался: «Я знаю примеры из Башкирии, когда я работал зам. муфтия в республике Башкортостан, когда родители татарских и башкирских детей приходили и просили у нас Библию. «Почему?» — когда мы спрашивали, они говорили: «На уроках они изучают, у них нет этой книги». А речь-то шла скорее всего лишь об уроках по литературе (в хрестоматии по литературе для 5-6 классов входят некоторые ветхозаветные тексты и евангельские притчи). От непосредственного знакомства с классическим текстом мировой культуры вообще-то никому еще плохо не было... И вновь скажу: если бы в московской школе моим детям сказали бы (ну, например, при рассказе о

ближневосточном средневековье), что для урока по возникновению ислама надо взять Коран в руки и полистать его или прочитать вполне конкретные суры — честное слово, у меня это не вызвало бы негативных эмоций.

И тут снова приходится оторваться от «основ православной культуры» и в который уже раз горестно воскликнуть: ну что же у нас за пресса такая! Ну, отчего она все перетолковывает в возможно худшую (для православия и России) сторону? Отчего на всю страну было озвучено именно мнение Аширова, причем преподнесено оно было как мнение всех мусульман? Ведь многие мусульманские лидеры поняли, что инициатива православной Церкви приоткрывает и для них дверь в школы: если в школе есть «основы православной культуры», то вполне возможно параллельно предложить вести «основы исламской культуры» (тоже по выбору региона и школы). Но упоминали ли газеты о письме, которое Заместитель председателя Центрального духовного управления мусульман России муфтий Фарид Салман отправил министру образования России В. Филиппову (от 2.12 2002)? А в нем ведь сказано так: «Центральное духовное управление мусульман России с тревогой наблюдает за беспрецедентным давлением на Министерство образования России, развязанное в связи с направленным Вами 22 октября 2002 г. органам управления образованием субъектов Российской Федерации письмом с материалом методического характера — «Примерным содержанием образования по учебному предмету «Православная культура». Как мы уже отмечали в обращении к Вам от 22 ноября 2002 г., по нашему мнению, в некоторых случаях выступления против изучения школьниками на основе добровольного волеизъявления традиционной для них религиозной культуры в государственных и муниципальных образовательных учреждениях являются некомпетентными выступлениями и заявлениями. В большинстве же случаев мы оцениваем выступления против изучения православными православной культуры (равно как и мусульманами — мусульманской культуры) как ксенофобские и провокационные выступления, преднамеренно направленные на провоцирование в обществе религиозной и национальной вражды. Право изучать традиционную религиозную культуру — не набор исторических сведений о разных религиях, а именно традиционную для данного народа религиозную культуру — в светской школе никак не может быть поставлено под сомнение. Попытки принудительного замещения возможности изучения традиционной для учащихся религиозной культуры изучением только лишь истории всех мировых религий выглядят столь же нелепо и необоснованно, что и, к примеру, утверждения о том, что татары не вправе изучать свою родную татарскую литературу, русские — свою русскую литературу, а все россияне

должны и могут изучать лишь историю зарубежных направлений в литерату-
ре».

Что тут сказать? — Умница! В школе дети должны изучать свой род-
ной язык, а не высоколобую сравнительную лингвистику...

Нет, не росту религиозного экстремизма и межнациональной напря-
женности будет способствовать преподавание в школе «основ православной
культуры». Напротив, этот предмет может стать лекарством от экстремизма.

Итак, есть — основы православной культуры. Есть ее вершины. И
есть реальная многомиллионная православная Церковь. Совпадают ли эти
три круга? К сожалению, нет. Немалое число людей, живущих церковно-
приходской жизнью, изрядную толику своего ума и своего сердца держат в
еще-не-воспитанном и непретворенном состоянии. Усвоение культуры пра-
вославной жизни (не путать с «основами православной культуры») предпо-
лагает обретение умения жить в Церкви. Не просто войти в нее, не просто
обратиться. Но именно — жить.

Когда человек входит в мир Церкви, в нем естественно поселяется все-
верие. Он переживает кризис: прежнее всецелое отторжение сменяется все-
целым же принятием. Это нормально. Эта готовность есть признак нормаль-
ного духовного становления. В этом покаянном кризисе и профессор
светских наук должен понять, что ему есть чему поучиться у самой простень-
кой прихожаночки. Как вспоминал об этом своем обращенческом кризисе
прот. Сергей Булгаков: «Если правда, что есть Бог, то, значит, правда все
то, что было мне дано в детстве, но что я оставил. Таков был полусознатель-
ный религиозный силлогизм, который делала душа: ничего или... все, все до
последней свечечки, до последнего образка».

Но со временем из этого всеприятия вырастает серьезнейший кризис:
мире, в котором все равновелико и равноценно теряется ориентация. Ориен-
тация предполагает различие. Когда все небо одного цвета — по нему не-
возможно ориентироваться. Но именно многообразие звезд, проступающих
ночью, позволяет найти ориентиры. Так и в мире Церкви. Если все сказан-
ное и говоримое от имени Церкви считать равно святым — это будет озна-
чать потерю ориентации.

Если считать равноценными советы старшей дежурной по третьему
подсвечнику и слова апостола Павла; советы известной всему городу «тай-
ной монахини» и слова Патриарха; анонимную листовку и творения св. Гри-

гория Богослова — то голова очень быстро закружится в этом равноосве(я)щенном мире.

Чтобы избежать этого головокружения — необходимо со временем поставить вопрос о критериях истинности, о том, в какой иерархии соотнесены между собой различные источники церковного слова... Я помню, как где-то через год после своего крещения начал задумываться над такими вопросами. Первый ответ был вполне понятен: надо слушаться священника. Но может ли быть так, что голос священника окажется не вполне аутентичным голосом Церкви? — Может. Ну, тогда, конечно, надо обратиться к епископу. (Ни одного епископа живьем в то время я еще не видели уже етм более ни с кем из архиереев не беседовал; для меня в ту пору это был чисто книжный персонаж. Когда же через пару лет я подошел к порогу семинарии — то наслаждение, с которым я писал первое свое обращение к архиерею с традиционным титулованием — «Его Преосвященству, Преосвященнейшему Епископу...» — было сравнимо, наверно, с ощущением профессионального египтолога, впервые в жизни прикоснувшегося к египетской пирамиде, а не к книге о ней). А епископ может ошибиться?.. В принципе, конечно, может, подумал я: все же догмат папской непогрешимости православная Церковь не принимает. Но все же, решил я, надо слушать тот совет епископа, который будет обращен ко мне в ту минуту, когда я обращусь к нему... А если вдруг мнения епископов разойдутся?...

Вот с этим трудным вопросом и подошел к одному из батюшек своего прихода и ошарашил его вопросом: «Батюшка, а если я беседую с двумя епископами, и один из них говорит одно, а другой говорит мне другое — как мне поступить?». Реакцией был, конечно, вполне здоровый и уместный смех. А как еще ответить на подобный вопрос 20-летнего парня (особенно, если вспомнить, как мало было епископов в СССР в ту пору)? Но сегодня-то в моей жизни такие случаи бывают!

У меня и сегодня нет какой-то вполне отчетливой и ясной «методы» уяснения церковной истины. Православие устроено сложно. Как и всякий нормальный живой организм. Но во всяком случае запрошедгшие 20 лет у меня выработалась стойкая антипатия к расхожей формуле «святые отцы учат» («святии отцы рекоша») — особенно когда с нее начинают свою оценку какой-нибудь вполне современной и современной проблемы... Пока я не увижу конкретной ссылки на конкретный текст того или иного Отца и не выясню, действительно ли этот текст имеет тот смысл, который ему навязывает пересказчик, а также не узнаю — был ли поддержан его голос другими От-

цами Церкви — до тех пор я предпочту воздерживаться от согласия с этими слишком обобщающими и потому анонимными тезисами. В былые годы не-радивые (или ироничные) студенты-технари на экзамене по идейным предметам бойко рапортовали «Карлмарксфридрихэнгельс писал». Экзаменатору приходилось разлеплять эту спайку...

Вот так и сегодня надо учить людей не отождествлять случайно услышанное ими мнение с церковным учением... А для этого и нужна церковная воспитанность.

Дезориентированность людей — это не просто внутренняя проблема Церкви. Слишком многими ниточками Церковь уже связана с российским обществом, а потому наши болячки уже начинают выплескиваться и на совсем сторонних людей. Честно говоря, я сторонник определенного государственного контроля над религиозными процессами, в том числе и церковными. Слишком радикально может религия калечить судьбы людей, чтобы эта сфера жизни оставалась без общественного и государственного надзора, контроля, оценки.

Есть печальный социологический закон: один хулиган всегда испортит настроение целому автобусу. Человек с сумасшедшинкой всегда активнее обычных людей.

Теперь этот закон спроецируем на отношения школы и Церкви. Разрешает российское законодательство вести религиозное преподавание в школах? — Да. Прописывает ли законодательство контроль религиозной организации над тем, что в госшколе преподается от ее имени? — Нет.

В итоге именно «люди с сумасшедшинкой» оказались рядом с детьми... Это ведь только на страницах антиклерикальной пропаганды наши батюшки такие ревностные проповедники, что они спят и видят — как бы им «затащить в церковные сети нашу советскую молодежь». Этим меня пугали еще на лекциях по научному атеизму. Поначалу я этому верил, хотя и не пугался. Затем просто верил (и надеялся, что так оно и есть)... Каково же было мое разочарование, когда связав свою жизнь с Церковью и изнутри посмотрев на жизнь практически всех интеллектуально-административных центров Церкви, я не нашел признаков стратегического планирования (тем более — миссионерски-молодежного).

Не рвутся священники в школу. С интересом в сторону школы посматривают только те священники, которые до своего прихода в Церковь получи-

ли университетское образование (и чаще всего-педагогическое). Но такие священники никак не составляют большинства.

В русской традиции «хороший батюшка» не обязан быть «златоустом». Наиболее ценим не тот батюшка, который хорошо говорит, а тот, который хорошо слушает. И даже тот священник, который произносит прекрасные проповеди в храме, может не пойти к детям — ибо искусство храмовой проповеди это одно, а искусство педагогики нечто совсем иное. И даже священник, который не побоялся переступить порог школы и успешно провел пару встреч с детьми, вскоре поймет, что одно дело — прийти и разово пообщаться с детьми, для которых сам твой вид уже интересен, и совсем другое — стать обычным учителем, который еженедельно переступает порог класса.

Итак, богословское образование в нашей Церкви сегодня имеют не более четверти священников. Еще меньшее число имеет светское университетское образование. Из них не все горят личным желанием работать в школе. Из оставшихся не все свое желание могут подкрепить объективным наличием педагогических способностей. Наконец, у большинства из тех немногих, у кого есть и знания и желание и талант, просто нет времени...

Ну, а для тех, кто во всем видит экономический интерес (а марксисты еще активны в российское прессе) скажу, что погружаться в работу со школой священнику не выгодно чисто экономически: в этом отношении целесообразнее остаться в храме и совершить какую-нибудь потребу...

Человек традиции именно потому, что он человек традиции, привык к спокойному плавному течению жизни. Он не стремится весь мир переделать под свою веру и под свой вкус. В течение двух дней после выхода в эфир теледискуссии об «основах православной культуры» получил два неожиданных подтверждения этого тезиса.

Сначала московский католический священник поведал мне: «Когда я бываю в отпуске в Польше, то мои друзья-священники говорят мне: ты знаешь, мы тебе завидуем. Да в чем же вы можете мне завидовать, — спрашиваю я. А они говорят: Да, мы знаем, тебе трудно жить в России, в Москве. Но мы все равно тебе завидуем. Ведь тебе не надо ходить в школу!».

Потом же уже в Казахстане православный священник рассказал мне, как он бежит за местным муллой, умоляя его придти провести урок об исламе в городской школе. Мулла же человек не слишком образованный и точно

миссионерски не активный. Он не хочет идти к детям. А директор школы говорит православному священнику:

«Ну, поймите, мы же в Казахстане! Здесь ислам -традиционная религия. Как же я Вас пушу в школу, а об исламе дети ничего не узнают! Так что пусть уж сначала мулла придет, а потом и Вы!».

Вот и приходится батюшке уговаривать муллу посетить школу — иначе и русские дети о православии ничего не узнают...

Вновь скажу: люди традиции, люди имеющие опыт жизни в своей религии, не переселятся в школы. В школы приходят миряне. Как правило — люди со светским высшим образованием. Но с небольшим опытом собственной церковной жизни.

Именно неофит сам недавно поменял свои взгляды, а потому ему кажется, что и в других людях он способен произвести такую же перемену. Само желание хорошее. Вот только не всегда такой энергичный проповедник сам понимает — в чем именно должна состоять та перемена, которую он желает произвести в жизни встреченных людей. «Что значит быть христианином?». Ответ на этот вопрос может оказаться довольно шокирующим. — В том случае, если сам проповедник еще пребывает в неофитской дезориентированности.

В одной из школ Красноярского края в декабре 2001 года дети высыпали на меня гору своих недоумений: оказалось, что на уроках Закона Божия в них пробуют вложить полную энциклопедию православных суеверий. Им уже поведали, что ИНН есть печать антихриста, что фотографироваться со вспышкой нельзя, ибо лазер фотоаппарата выжигает на лбу ту же самую печать, что собака из дома благодать уносит, что Иван Грозный и Григорий Распутин -святые люди. Наконец, им поведали, что люди перед всемирным потопом носили с собою фляжки с водой (и это было знамение того, что мир скоро потонет), а сегодня модно носить с собой зажигалки — и это знак того, что мир скоро сгорит... Вещали им эту ахинею дипломированные учительницы! Диплом-то у них настоящий. А вот приложить свои навыки критически-проверяющего мышления к проверке церковных сплетен они не решились. И в итоге к детям понесли бесцензурную дурь.

Теперь, надеюсь, стало понятно, что я имел в виду, когда страничку тому назад сказал, что внутрицерковные проблемы могут перерождаться в

проблемы общественные. Вот образчик той бесцензурной «православной» педагогики, с которой «энтузиасты» приходят к детям:

Мальчик к батюшке пришел
И спросил со вздохом:
— Что такое "хорошо"
И что такое "плохо"?
Что такое ИНН?
— Нет у нас секретов:
ИНН — духовный плен,
Надо помнить это.
В зону нас шенгенскую
Втягивают споро,
Как в смолу геенскую.
Скоро, очень скоро
Ни купить, и ни продать
Невозможно будет
— Как же станут жить тогда
На планете люди?
— Для антихриста теперь
Наступает время,
Мировой компьютер "Зверь"
Уж следит за всеми.
Если номер карапуз
Принял и заохал, -
Мальчик этот просто трус,
Это очень плохо.
И антихриста печать
Он получит тоже.
От такого благодать
Отступает Божья.
Если мальчик в банкомат
Свой засунул пальчик,
Про такого говорят:
"Бесноватый мальчик".
Кто в систему влез и рад,
Что штрих-код на роже,
Про такого говорят:
"Бесноватый тоже".
Этот, хоть к сам с вершок,
Злой не принял цифры.
Храбрый мальчик, хорошо,
Зверя не боится.
Если ты не принял код,
Не писал анкеты,

*Это очень хорошо,
И похвально это.
Кто в систему не входил,
Смерти не боялся,
Тот душе не повредил,
Господу сраспаялся.
Мальчик радостный пошел,
И решила кроха:
"С Богом — очень хорошо,
С ИННом — плохо!"*

Было бы бессовестно сказать, будто все (или даже большинство) тех педагогов, что сейчас преподают Закон Божий, несут такие откровения детям. Но нечестно было бы и не замечать, что ваххабиты есть и среди православных.

Сами себя они любят называть «опричниками». Новосибирское «Опричное братство во имя благоверного Царя Иоанна Грозного» ликовало по поводу кончины еп. Сергея (Соколова) и тяжелой болезни прот. Александра Новопашина — поскольку владыка Сергей "благословлял новосибирцев безбоязненно принимать ИНН — составную часть печати антихриста"; предположительно именно этот последний отступнический шаг епископа Сергея, шаг от Христа навстречу антихристу и переполнил чашу Божия долготерпения... "Нынешнее священство — всем бедам беда" — говорила блаженная Пелагея Рязанская... Помните, запечатанные начертанием антихристовым Царства Небесного не наследуют! Православный допускающий принятие ИНН становится одновременно вероотступником, а сознательно клеймящийся им — хриstopродавцем.. Путь верных за своим пастырем Христом, через Голгофу в Царство Небесное. Путь неверных за лжепастырями (волками в овечьей шкуре), чечевичной похлебкой, серебрениками, земными благами князя мира сего в геенну огненную».

Вот сказочка новых «опричников»:

«...И тут очнулись русские люди, обрадовались, помолились Богу и Он дал им Грозного Царя. Теперь на том Царстве Грозный Царь всех колдунов и вещунов на кострах сжигает. Конец и Богу слава!».

Вот их песенки:

*"...И не будет зоны, лагерей и тюрем,
все враги России будут казнены.
Мы врага настигнем по его же следу
и порвём на клочья, Господа хваля..."*

Жанна Бичевская.

Вот их поэзия:

«И Ты Христе в нас зацарюешь, Всеосвети ж нас в век и век. На враг же наших всех наплюет Сладчайший Богочеловек»?».

Вот их пресса:

«Верим, что придет время и христопродавцев будут попросту убивать на улицах тяпками и кастрюлями».

Тут уж впору взмолиться: Избави, Господи, Православие от таких «защитничков» — а с сектантами мы тогда и сами справимся...

Так вот: нынешняя форма взаимодействия школы и Церкви дает возможность таким людям от имени Православия входить в школы. Но не дает детям узнать иное понимание Православия. То, которое и породило великую и светлую православную культуру.

Для того, чтобы в государственной школе не несли чепуху от имени православия, я полагаю, должен быть двойной контроль, двойное ОТК. С одной стороны, церковь должна нести ответственность за то, кого она посылает, насколько это люди подготовленные, чтобы аутентично представлять ту традицию, от имени которой эти люди будут говорить. А с другой стороны, государство должно помочь не бросать этих бедных неофитов-учителей в поток бурной, современной информации, а дать им культуру мысли на религиозные темы.

Выбор ведь очень простой: или мы оставляем людей (и маленьких, и больших, и детей, и учителей) один на один со стихией религиозной иррациональности, в мире бескультурья, в мире примитивнейших религиозных и магических практик, которые сегодня проповедуются на каждом углу. Или мы даем им возможность прикоснуться к традиции мысли человеческой на религиозные темы. Это означает знакомство с богословием, с религиозной философией православия (это снова к вопросу о том, что «основы православной культуры не надо понимать как простой комментарий к сюжетам картин на библейские темы»).

Когда речь шла о втаскивании в школу программ сексуального образования, то не в меру активные педагоги-новаторы причитали: «Ну как же

дети будут об этом узнавать в подворотне?! Давайте мы их просветим!». Но когда речь идет о духовном образовании — то они же оказываются против! Я же, напротив, считаю, что эту часть человеческой жизни нельзя оставлять во власти стихии. Если Россия не желает быть растерзанной в межрелигиозных столкновениях, не желает платить судьбами своих детей за душевные болячки тех или иных религиозных активистов, то она должна взять под свой контроль ознакомления детей с основами религиозной культуры. Как православной, так и мусульманской.

В священных текстах как христиан, так и мусульман можно найти оправдания для своей ненависти. Было бы желание... Но от внутреннего такта, от воспитанности толкователя зависит, сделает ли он призыв «иди и убей» лейтмотивом своей проповеди или же призыв к миру. Неужто для общества совсем уж все равно — кто именно с Библией или с Кораном в руке приходит к детям?

История преподносит неожиданные сюрпризы. Ну, кто бы мог подумать, что в начале 21 века судьба человечества окажется в руках богословов? А это и в самом деле так — правда, с тем уточнением, что речь идет о богословах мусульманских. Исламская умма (церковь) устроена иначе, чем православная или католическая церкви. Умма управляется учеными; личное образование значит больше, чем прохождение через церемонию посвящения. Голос ислама — это голос улемов — знатоков богословия. Эти люди, не менее 12 лет своей жизни посвятившие изучению Корана, получают право на его публичное истолкование. И от них сегодня зависит, как будет истолкована кораническая заповедь джихада. От них зависит, приложат ли они высокое имя «шахида» (мученика) к террористам, взрывающим себя вместе с детьми «неверных», или же назовут террористов террористами, самоубийцами и убийцами детей...

Исламские лидеры России политкорректно считают, что терроризм от имени ислама есть прежде всего терроризм и потому по сути своей есть анти-мусульманская деятельность. Но есть и иная позиция: «Принятие фетвы (авторитетного религиозного постановления), объявляющей о том, что «добровольная смерть за веру не имеет ничего общего с самоубийством», стало главным итогом Международной конференции исламского духовенства в Бейруте. Об этом 16 января 2002 г. на пресс-конференции в пресс-центре еженедельника «Мир новостей» сообщил один из участников бейрутского форума, председатель Исламского комитета России Гейдар Джемаль. Конференция, посвященная «защите третьей святыни ислама — Иерусалима и

поддержке народа Палестины в его борьбе против Израиля и США», проходила 9-11 января с участием нескольких сотен улемов практически из всех мусульманских стран. Российское исламское духовенство на конференции представлял председатель Духовного управления мусульман Азиатской части России (ДУМ АЧР) шейх Нафигулла Аширов (Да, да — тот самый муфтий, который на передача у Шустера грозил «второй Чечней», если в школах начнут рассказывать о православной культуре — А. К.). Из европейских стран, по словам Гейдара Джемаль, в Бейрут прибыли исламские лидеры Испании и Боснии. Речь идет не о защите терроризма, а о подтверждении теологических норм при защите веры, — пояснил Гейдар Джемаль. На вопрос о том, как рассматривать «добровольную смерть за веру», если она будет сопровождаться смертью десятков или сотен окружающих, как это было на дискотеке «Дельта» в Тель-Авиве, Гейдар Джемаль ответил, что могут быть «различные обстоятельства», и о них на конференции речь не шла».

Мулла Омар (и не он один) поддержал теракт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке. Другие мусульманские авторитеты осудили этот теракт. Неуютно, конечно, жить в мире, в котором о твоей жизни ведутся такие дискуссии, но еще хуже было бы, если б этих дискуссий вовсе не было бы и исламский мир сохранял бы средневековую монолитность мнений. А так мы можем находить определенное утешение в созерцании этих дискуссий.

Как, например, перевести 5 аят из 47 суры Корана — «Бог не допустит неудачи в делах тех, которые сражаются во славу Его»? Некоторые исследователи Корана предлагают вместо активной глагольной формы читать здесь пассивную форму: вместо каталю — читать кутилю, то есть вместо «те которые убивают» — «те кто были убиты». Аналогично и в суре 22 (аят 40) предлагается заменить активную форму на пассивную: юкаталюхум вместо юкаталюна; «утверждение дано тем, которые убиты» вместо «утверждение дано тем, кто убивает». До XX века большинство толкователей придерживались традиционного, активного чтения; Джелаль-уд-Дин вообще считал этот стих первым местом Корана, разрешающим джихад...

Но должны ли мы быть просто зрителями этих дискуссий? Или же можем принять в них участие? Государство может это сделать весьма простым путем: создать такие условия, чтобы в российском школьно-информационном пространстве звучали голоса тех, кто дает исламу миролюбивое толкование, и ограничивать проповедь тех мусульман, которые настроены воинственно.

Но пока и тут — «Доходит до абсурда, пакистанские проповедники приезжают в Башкортостан, и начинают учить население «истинному исламу». Люди отвечают — мы мусульмане уже 1111 лет и не надо нам рассказывать, «что такое вера и как надо вести борьбу с неверными»... К сожалению, сегодня в России продолжается активное насаждение ваххабизма не только на Северном Кавказе. Происходит это и в Татарстане. Наши сторонники, исповедующие традиционно умеренный и просвещенный ислам, стали вытесняться также из других регионов России».

Чтобы не множить ряды ваххабитов — надо с самого начала объяснять людям, что мир каждой из религий внутренне непрост. Когда-то об этом напоминал первым христианам апостол Павел: «надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор 11,19); «боюсь же да не истлеют разумы ваши от простоты яже о Христе» (2 Кор. 11,3). Впрочем, и тут опять проблема перевода и истолкования. В нашем синодальном переводе, выполненном в XIX веке, мы читаем «боюсь, чтобы ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе». И делаем вывод: простота — это хорошо, а всякая умственная сложность и критичность — плохо... Но ведь слово «уклонившись» набрано курсивом. Это означает, что его просто нет в греческом оригинале (кстати, его действительно нет ни в одной из греческих рукописей) и его вставили переводчики для уяснения смысла. Увы, в данном случае они своей вставкой смысл затемнили... Церковно-славянский перевод несет противоположный смысл. Различие в переводах оказывается возможным из-за двусмысленности греческого предлога *αρο* — «от». «От» может быть указанием на причину некоего события («я от него научился»), а может быть указанием на точку отсчета («пошел от»). Св. Феофилакт Болгарский понимал *αρο* как указание на причину: «Чтобы не прельстились вследствие своей простоты». Да и по контексту своей речи Павел предупреждает коринфян, что их простота может довести их до беды: если они будут доверять всякому, кто будет к ним обращаться от имени Христова...

Благочестие «на все полезно», а вот простота — нет. Она может обернуться хуже воровства. Благодатная простота как цельность души, знающей только Христа и всюду видящей только Предмет своей единственной любви — добра. Искусственная стилизация, игра в упрощение — это разновидность лицедейства. Это плохо.

Основы православной культуры — это, в частности, рассказ о том, как не потеряться в Церкви, не потерять в ней ориентации. Это рассказ о слож-

ности. И о том, что даже святые не всегда были согласны между собою. И о том, что не надо и сегодня бояться дискуссий. Предупрежденный об этой сложности человек поостережется ломать свою судьбу о совет случайно встреченного монаха, призвавшего (ввиду наступления «последних времен») разрушить обычную колену жизни, семью, бросить работу или институт. Человек, знающий основы православной культуры, готов к тому, чтобы при встреч с такими наставлениями хотя бы про себя сказать: в Церкви есть иные мнения по этим вопросам...

Но тот, кто знает, что в его собственной традиции есть разные мнения, поостережется и при встрече с глупостью, сказанной носителем другой традиции, сразу поставить знак равенства между этим «ваххабитом» и той традицией, от чьего имени он ваххабитствует. Человек, знающий, какие глупости способны говорить его единоверцы, сможет воздержаться от того, чтобы отождествить глупость, сказанную иноверцем с этим иноверием как таковым.

Значит, он будет осторожен и в своих реакциях на инаковерие.

Значит, и с этой точки зрения «основы православной культуры» — это лекарство от экстремизма. «Основы православной культуры» — это превентивный образовательный удар против экстремизма.

Итак, закон разрешает факультативное преподавание Закона Божия в школе и — при желании школы — культурологический рассказ о религии, в частности, рассказ об «основах православной культуры». При корректном преподавании этого предмета польза от такого курса будет и для каждого отдельного ребенка, и для российского общества в целом.

Теперь осталось только обсудить вопрос о том, откуда оно возьмется — это самое «корректное преподавание» такого предмета. Но прежде, чем перейти к этой и, пожалуй, самой проблематичной части своих размышлений, я хотел бы на минутку остановить внимание неблагоприятного читателя именно здесь.

В ток-шоу принято проводить голосование участников и зрителей по дискутируемому вопросу. Наш вопрос сформулируем вопрос так: «Считаете ли Вы, что каждая школа в отдельности вправе (по желанию большинства родителей) включить в свою программу изучение «основ православной культуры» при условии, что этот предмет будет преподаваться компетентными, корректными и хорошо подготовленными культурологами?». Это вопрос

о некоей стратегической цели. Хотим ли мы двигаться к ней? В интересах ли хотя бы части общества, чтобы в некоторых школах было введено такое преподавание? Сочтем ли мы нормальным, если рядом будут стоять математическая школа, английская школа, и школа с преподаванием основ православной культуры? Мне такая картина не кажется ужасающей.

Если же в том, что такое и допустимо и желательно (вновь говорю: желательно хотя бы для части населения России), то фиксируем эту точку как точку консенсуса.

Если цель определена — можно уже мостить к ней дорогу. И тут прежде всего надо признать: дорогу надо именно мостить. Ее еще нет. Еще нет приемлимых учебников «основ православной культуры». Еще нет преподавателей этого предмета. Еще не преодолена инерция советской школы с ее идеологической назидательностью и навязчивостью.

Один немец-русист как-то заметил, что русский язык очень необычен. В европейских языках есть только три интонации: повествовательная, восклицательная, вопросительная... Но в русском языке есть четвертая интонация, сказал он: это интонация советской учительницы.

И менее всего мне хотелось бы, чтобы к детям православие пришло с такой интонацией.

Я боюсь, что на региональном уровне сейчас последуют приказы: «ввести с нового учебного года...». Школы, не располагая своими кадрами, конечно, обратятся за помощью к местным приходам....

В общем, по правде, я просто ревную. Помните беседу двух одесситов: «Не понимаю, что все вокруг только и говорят — Шаляпин, Шаляпин.. И что они только нашли в этом Шаляпине! — А ты слышал того Шаляпина? — Нет, я сам его не слышал, но мне вчера Рабинович напел... Так себе. Ничего особенного!».

Во так и при неумелом обращении с православием «срезаются» обертонны и остается какая-то неинтересная безжизненная и безрадостная императивная прямолинейность.

У каждого человека есть какое-то особенно дорогое ему стихотворение. Такое, которым он когда-то сам переболел. И когда он слышит это стихотворение в чьем-то другом, пусть даже очень артистичном исполнении, он чувствует себя окраденным: нет, не так я это понимал, вот здесь не это имеется

в виду, это слово нельзя было сказать с такой интонацией... Иногда даже авторское прочтение стиха кажется умалением того, что он написал. Я, например, не представляю себе, как бы Роберт Рождественский смог со своими обычными интонациями прочитать свое последнее (и, по-моему лучшее) стихотворение:

*Тихо плывут паутинные нити.
Солнце горит на оконном стекле.
Что-то я делал не так, извините!
Жил я впервые на этой земле.
Я ее только сейчас понимаю,
К ней припадаю и ею клянусь,
И по другому прожить обещаю,
Если вернусь.
Но ведь я не вернусь.*

Я же до сих пор не могу простить Софии Ротару за то, что великое стихотворение Арсения Тарковского «Только этого мало» она превратила в шлягер (и Аллу Пугачеву за такое же похабство, совершенное ею с маршаковским переводом сонета Шекспира).

Больно бывает слышать и великую музыку, исковерканную неумелым исполнителем...

Вот так же мне бывает больно, когда мое любимое православие превращают в идеологический шум. Или в «учебный материал», который можно выучить и забыть после экзамена. Или во что-то, с помощью чего можно лишать жизнь ребенка радости и красок.

Оттого я умом за преподавание «основ православной культуры». А сердце все-таки опасается... Вывод? — Надо бы отказаться от всякой «штурмовщины», не бросать лозунгов «православие — в массы». Помнить мудрую поговорку: «невольник -не богомольник». Учесть опыт неудач — как своих предреволюционных, так и неудач советских идеологов. Без азарта и обязательки спокойно и продуманно торить дорогу. Создать место встречи церковных и светских культурологов и педагогов. Вместе обсудить параметры программы. Продумать взаимодействие между этой программой и остальными школьными курсами. Организовать экспериментальные педагогические «площадки». Набросать пробные учебники. Заказать написание новых учебников. Отобрать лучшее. Проверить его. Исправить. Дополнить. Сократить. Потом к этой программе переподготавливать школьных педаго-

гов. Ввести этот предмет в педагогических университетах. И потом, когда будут и учителя и учебники — приближаться к детям.

А пока надо просто не мешать работать с детьми тем православным педагогам (и священникам), у которых это получается. И еще — создать в школах атмосферу терпимости к таким педагогам.

Церковным же людям надо освоить интонацию культурологического анализа и беседы вместо интонации проповеди.

И всем стоит помнить о том, какова альтернатива основам православной культуры — бескультурие во всех своих проявлениях.

Вот после этого и я повторяю вопрос, который задал Никита Михалков на той памятной теледискуссии: «Братцы, чего испугались-то?».

Об изучении в школах "Основ православной культуры"

18.12.2002

Министерство образования Российской Федерации

ПРЕСС-РЕЛИЗ

В связи с появившимися вопросами по письму Министерства образования РФ № 14-52-87ин/16 от 22.10.2002г., пресс-служба Министерства образования разъясняет следующее.

1. Вышеуказанное письмо Министерства не является инструктивным или рекомендательным, а является, как отмечено и в его тексте, информационным — сопроводительным к Примерному содержанию по учебному предмету "Основы православной культуры". Необходимость появления такого письма связана с тем, что во многих школах ряда регионов России фактически ведется изучение детьми в той или иной форме основ православной культуры. В связи с этим, органы управления образованием субъектов Российской Федерации, зная о работе совместного Консультативного Совета Министерства образования и Московской Патриархии неоднократно ставили перед Министерством образования вопрос о необходимости разработки, для их ориентации, примерного содержания соответствующего курса.

2. Предмет "Основы православной культуры" не является и не может быть обязательным предметом для всех школ страны или даже для всех школ субъекта Российской Федерации. Этот предмет может вводиться только в каждой конкретной школе на основе решения Совета (Попечительского совета) школы, с участием представителей родителей и реализовываться:

а) либо как факультативный предмет вне сетки часов (после занятий), на который записываются сами учащиеся или, для младших классов — записывают учащихся их родители. В этом случае финансирование преподавания предмета обеспечивается или учредителем дополнительно к базовому финансированию школы по государственному стандарту, или родителями, или из внебюджетных источников.

б) либо как предмет школьного компонента из числа предметов по выбору (при этом другие учащиеся обязательно посещают другие выбираемые им предметы из списка предметов по выбору).

В этом случае финансирование преподавания предмета "Основы православной культуры" реализуется, как и обычно для предметов по выбору из школьного компонента, в рамках обеспечиваемого школе финансирования учредителем школы (органом местного самоуправления).

3. Посещение занятий по предмету "Основы православной культуры", в соответствии с вышеизложенным, является не только добровольным для учащихся, но и с обязательного согласия их родителей.

4. Подробная детализация примерной Программы курса "Основ православной культуры" связана с тем, что эти рекомендации представлены, с соответствующими повторами, для учащихся школ различного возраста — от начальной школы до старших классов. Из предлагаемого объема (количества часов) и рекомендованного содержания предмета "Основы православной культуры" педагогический коллектив школы самостоятельно определяет нужные объем и содержание.

Вместе с тем, с учетом уже поступивших отзывов на Программу предмета, Министерство образования в ближайшее время планирует существенно переработать содержание Программы и направить в регионы ее новую редакцию.

5. В соответствии с принятой в июне 2002 года поправкой к Закону "Об образовании", вся учебная литература в школах может использоваться

только при наличии соответствующего грифа ("рекомендовано" или "допущено") Министерства образования Российской Федерации.

6. Православная культура насчитывает многие сотни лет. И плохо, что целые поколения в двадцатом веке у нас в стране практически ничего не знали об этой культуре. Без знания основ православия невозможно понять Достоевского, Толстого, да и многие картины художников-классиков не понять, ибо они основаны на библейских сюжетах.

Вместе с тем, наша страна — многонациональная, многоконфессиональная, и это необходимо обязательно учитывать. С учетом многоконфессиональности нашей страны, Министерство образования России планирует подготовить на конкурсной основе в 2003-2004гг. программу и учебную литературу по предмету "История мировых религий", в котором изложить основы культуры основных мировых религий, представленных в России. Такое воспитание учащихся в духе толерантности позволило бы решать многие проблемы в нашем обществе, основанные на незнании и неуважении традиций и культуры других народов.

/Пресс-служба Минобразования/